

— прил. к газ. Труд —

— Лисициан, — сразу же узнала мать. Ведь, прежде чем в гражданскую войну переселиться на коня, она пела в церковном хоре... И, конечно, поняла, отчего я замер как вкопанный.

— Видишь ли, — глубоко затаившись папиромой "Казбек", изрекла она, — я не американская бабушка, а всего лишь бедная жена расстрелянного "врага народа", так что выбирай: либо пальто — либо Лисициан.

Гамлетовский вопрос был решен в пользу радиолы "Рекорд", на проигрывателе которой и крутилась пластинка с голосом певца.

В тот же день, к вящей радости всех мальчишек и девчонок нашего двора, не из старенького патефона, как прежде, а из новенькой радиолы прямо на улицу на полную мощность выплеснулись чудесные голоса Карузо, Шаляпина, Лисициана...

Под обаянием лисициановского голоса находилось целое поколение. Благородный по звучанию, словно виолончель Гварнери, он вызывал такие же ответные благородные чувства. Когда Павел Лисициан поднимался на подмост-

Послевоенная ереванская барахолка напоминала огромный караван-сарай. Не хватало разве что верблюдов. Здесь торговали всем — от пуговиц до швейной машинки "Зингер". Шум, гам, толчея. Мать привела меня, мальчишку, на предмет приобретения пальто. Первого в моей жизни. А пока приходилось донашивать старую шинель. И вдруг... возник этот голос. Отстраненный. Глубокий, точно гул колокола. Он парил над толпой и мощными волнами уходил в бездонное небо. В голосе были грусть, чувство извечного человеческого одиночества, томление духа и тоска по прекрасному. "Ес блблблбл" — "Я соловей", — пел голос, околдовывая необычным тембром. Попробуй не замри...

ВЛАСТЬ БЫСТРОТЕЧНА, ИСКУССТВО ВЕЧНО

ПАВЕЛ ЛИСИЦИАН:

тки, слушатель уже знал — каждый звук неповторимого голоса затронет самое сокровенное в его душе.

Истоки этой артистической биографии приведут нас к старому Владикавказу, где фамилии Вахтанговых и Лисицианов задавали тон, оказывая культурное влияние на жизнь города. Они же дали таких мастеров, как Евгений Вахтангов и Павел Лисициан. Потомки тех беженцев из Западной Армении, которые в далекие времена покинули древнюю армянскую столицу Ани, разграбленную варварами, они нашли приют на гостеприимных просторах России.

Они не остались в долгу. Вахтангов создал театр, бессмертных "Турандот" и "Гадибук". Павел Герасимович в 30 странах мира пел своим великолепным баритоном русскую классику, знакомя зарубежных слушателей с творениями Чайковского, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Рахманинова. Он и по сей день гордится именным парабеллумом и саблей, врученными ему генералом Львом Доватором, и медалью "За оборону Москвы". 500 концертов спел на передовой, нередко под бомбежками, и в воинских частях в годы войны солист Большого театра Павел Лисициан.

Долг был мой путь к певцу. Через годы общения с его искусством — через его концерты, роли... Хотя живет он совсем рядом, в самом центре Москвы. Поблизости от памятника Юрию Долгорукому.

Павел Герасимович на встречу долго не соглашался. В самом деле, человеку пошел 86-й год, день его насыщен до предела. Консультирует певцов Московской филармонии и Большого театра, зарубежных артистов, занимается с учениками, пишет мемуары. По-

могло ходатайство доброй Зары Долухановой.

...У него лицо почти без морщин. Глаза с сероватым отливом, с лукавинкой. Памяти можно позавидовать.

— Самое сильное впечатление в моей жизни? Их было много. Вот одно. Однажды пою в Ленинграде вокальные циклы Чайковского и Рахманинова. Ведущий объявляет: Рахманинов — "Христос воскрес". Зал вздрогнул. В программке произведение не было указано. Пою и вижу — сначала поднялся первый ряд, потом второй. Наконец весь зал. Дослушали стоя. После концерта стали мы с аккомпаниатором размышлять: заберут нас или нет? Не забрали. Но это произведение мне впредь запретили петь.

— **Выходит, запреты распространялись и на вас?**

— Дело не только во мне. Во всем мире, например, "Борис Годунов" идет на русском языке. У нас же запрещалось петь оперы Верди и Вагнера на языке оригинала. Да еще так редактировали тексты, что вряд ли это способствовало раскрытию замысла композитора. Могут возразить: публика не поймет. Но зачем композитора подтягивать к слушателю, а не наоборот?

— **У вас на редкость дружная и голосистая семья. Замечательной певицей была ваша старшая сестра Изабелла, широко известны дочери Карина и Рузанна, сын Рубен, золотой медалист Шумановского конкурса. Пела и ваша супруга Дагмара Александровна, сестра несравненной Зары Долухановой. Ваш сын Герасим не поет, зато декламирует, для чего тоже нужен голос. Чем это объяснить? Генами?**

— Возможно, но не только. Прежде всего тем культурным кли-

матом, в котором живет семья. Любая семья. И не обязательно, чтоб все в ней пели. Мой отец был буровым мастером, но играл самую активную роль в культурной жизни города. Кстати, буровым мастером начинал и ваш покорный слуга.

— **С чего же началась, собственно, ваша вокальная карьера?**

Павел Герасимович усмехается. — С катастрофы. Через три месяца после поступления на рабфак Ленинградской консерватории я был отчислен за профнегодность. Пропал голос... Человек, которого я считал учителем, "король баритонов" Маттиа Баттистини как-то признался, что вел "семилетнюю войну с дыханием".

...Дыхание быстро восстановилось. Но, может быть, именно тогда будущий профессор Лисициан стал задумываться над тайной человеческого голоса. Как сделать его управляемым, обогатить оттенками, подчинить малейшему душевному движению...

Давно известно, инструмент, наиболее близкий человеческому голосу, — виолончель. Шаляпин, Карузо, Баттистини, работая над голосом, добивались, по их признанию, этого "виолончельного звучания". Лисициан, в детстве игравший на виолончели, интуитивно пришел к тому же.

Яркий талант, огромная трудоспособность (пригодилась рабочая выучка), редкая музыкальность — вот что помогло его восхождению к вершинам мастерства. Что и привело его впоследствии, первым после легендарного Федора Ивановича, на подмостки "Метрополитен", где, спев Амонсаро в "Аиде", Лисициан произвел настоящий фурор не только голосом, но и темпераментной игрой. А после исполнения цикла концертов классической музыки американские критики назвали Лисициана "выдающимся представителем бельканто". Даже весьма взыскательные любители оперы Италии, где он выступал, вынуждены были признать, что у маэстро Паоло голос — как "расплавленное золото". Да и сейчас, когда, работая с учениками, он поет сам, тембр по-прежнему завораживает.

— **В мастерской Мартироса Сарьяна есть ваш портрет его кисти...**

— Да, да. Я был очень молод. Играл и пел Татула в "Алмаст" в его декорациях. Великий мастер любил повторять: "Художник должен войти в человека и выйти из него". Подумал: значит, надо не только войти в образ, но и сохранить собственное видение, свою артистическую индивидуальность. Это помогло в работе над образами Онегина, Амонасро, Аршака II (из оперы первого армянского композитора-классика (ученика Верди) Тиграна Чухаджяна "Аршак II")...

После ставшей исторической "Кармен" на сцене Большого Марио дель Монако, певец могучей экспрессии, чьим партнером выступал Лисициан, выразился так: "Лисициан создал образ тореадора таким, каким его написал Бизе,

— элегантно по-испански. Он уверен в своей силе во время боя с быками и в своей любви к женщинам. Когда в третьем акте Хозе как разъяренный бык бросается на Эскамильо с кинжалом, Лисициан шутя его обходит. Артист — властелин на сцене во всем, что он делает". Лучше не скажешь. О его Жермоне Б.А. Покровский говорил (цитирую по книге С. Яковенко о Лисициане): "Ни у нас, ни во многих других странах, где мне довелось слушать и ставить "Травиату", такого Жермона, как Лисициан, не было и нет, это мое глубокое убеждение".

Квартира у него из трех небольших комнат. Без антиквариата и

Лисициан громко смеется. Потом неожиданно спрашивает:

— Знаете, кто перевел меня из Ереванского оперного в Большой? — **Нет.**

— Сталин. Спел я на заключительном концерте Декады армянской культуры в Москве романс Спендиарова "Ай вард", "К розе", и вдруг по залу словно прошелся шквал — аплодисменты! Стою на сцене и никак не возьму в толк, что я такое особенное сделал. Ну спел знакомую с детства родную армянскую мелодию. Что из того? Растерялся даже. Зал не унимается. Пришлось бисировать... Потом мне передали, что присутствовавший на концерте Сталин вспомнил об-

мишуры. Я-то представлял!.. Тем более, когда нынче немало знаменитостей подались в коммерцию. Впрочем, представить профессора Лисициана владельцем ресторана или магазина модной бижутерии просто невозможно.

— **Говорят, квартиру вы получили по личному распоряжению Ворошилова. Он мог быть и пощеднее. Все-таки народный артист СССР, полвека на сцене, из коих четверть в Большом, профессор...**

— Квартирой я доволен. До этого мы жили в двух комнатах с семьей из восьми человек. Но Ворошилов здесь ни при чем. Ее я получил... благодаря нашей лифтерше. У нее были большие связи в Моссовете.

— **У вас он брал уроки вокала?**

— Кто, Ворошилов? — Усмехается Лисициан. — Нет. У меня брал уроки Ворошило. Ворошилов брал уроки у Сварога, певца и художника. Помните его картину "Ворошилов в тире. Сдает нормы ГТО"?

Кто только не мечтал стать певцом! Станиславский, Бернард Шоу, Джойс, Ворошилов, нарком НКВД Ежов... Сталин по вечерам любил исполнять вместе с собутыльниками из Политбюро духовные песнопения. А в 1912 году в Венскую оперетту пришел наниматься молодой человек по фамилии Шикль-губер. У него был баритон. После того как он спел арию из "Веселой вдовы" Легара, ему сказали: приходите завтра во фраке на прослушивание Большим жури. Но откуда у обитателя ночлежек взяться фраку? Он не явился. А ведь оказался у Гитлера фрак, возможно, не было бы второй мировой войны...

мне — почему-то уже на другой декаде, Бурят-Монгольской. И сказал председателю комитета по делам искусств: "Там баритон из Армении, по-моему, неплохо спел. Нельзя ли его пригласит в наш Большой?"

Лисициан артистично изображает манеру Сталина.

— Это была политика, — продолжает Павел Герасимович, — собрать лучшие силы в Большой со всех концов страны, из всех республик. В Москву приехали Гамрекли из Тбилиси, Андрей Иванов и Мигай из Киева, Лемешев из Свердловска, Сливинский из Ленинграда. Мои большие друзья. Однако Большой театр, который мог по своему уровню конкурировать с "Ла Скала", "Метрополитен", "Ковент-Гарден", "Гранд Опера", при жизни Сталина ни разу не был выпущен на гастроли за рубеж... Безотказно действовала запретительная система. Хотя выезды отдельных певцов редко, но происходили.

— **Отношения художника и власти во все времена были драматичными, но в ваше, по-моему, более чем когда-либо...**

Лисициан задумывается, потом веско произносит:

— Запомните, диктаторы уходят, власти сменяются. Последнее слово всегда остается за культурой, за искусством, за художником. Это их в первую очередь потомство вспоминает с благодарностью. И именно поэтому культуру надо беречь. Это наш долг.

Владимир ШАХНАЗАРЯН.

● Павел Лисициан — Аршак II. Рисунок автора.